

1. Философия русской словесности (Триединство русской словесности)

Предисловие

Отличительной чертой русского самосознания является триединый подход к разрешению самых фундаментальных и глубинных проблем, волнующих человека. Именно эта особенность русского народа определила принятие им христианства, сокровенное исповедание Пресвятой Троицы (отображением чего явились многочисленные храмы в Ёе честь), явление Пресвятой Троицы некоторым русским святым (Александру Свирскому, Сергию Радонежскому), знаменитая икона Андрея Рублева, глубокое и всенародное почитание праздника Троицы. Именно идя по этому пути, мы можем понять и осмыслить явление *русской словесности* во всей её полноте.

Введение

1. Человек есть образ и подобие Божие. Чтобы выявить и проявить этот образ надо осознать наличие в себе структурного подобия Божия.

Святоотеческое богословие выделяет в Боге три Ипостаси – Отца, Сына и Святого Духа; единую Природу (Сущность); и Божественные Энергии. Соответственно в человеке существуют три начала: личность, человеческая природа (сущность) и жизненность. Все творчество человека имеет эту триединую структуру. Культура не является исключением и литература, в частности. В ней существует три типа словесности: художественная, мифологическая и личностная или персоналистическая.

2. «Иисус Христос есть путь, истина и жизнь». Отсюда три типа людей: люди поступка, люди мысли и люди жизни. В мировой литературе мы можем найти таких людей в их сугубой односторонности.

Дон-Кихот – человек немедленного поступка.

Гамлет, человек мысли, с его раздумьями, «быть или не быть».

Человек жизни – Матрена из рассказа А.И. Солженицына «Матренин двор».

И литература помогает нам найти свой прототип и понимать, а значит и не осуждать людей другого склада словесности. Заметим еще.

Дон-Кихот – это еще и путь к себе. Когда мы утверждаем в своей жизни честь, достоинство, благородство, качеств, не ценимые окружающими нас людьми и обществом. И здесь человек поступка находит себя. Исполняя завет Сократа: «Познай самого себя» как человека благородного.

Глава I. Три типа словесности.

1. Художественная словесность

1.1. В *художественной* словесности главным является Образ, Образ Второго Адама. Задача увидеть и показать наличие в человеке подлинности (совершенства), т.е. каких-то черт Иисуса Христа, всегда была главной в великой русской литературе. (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, А. Фет, И.А. Бунин, Н. Рубцов). Она же способна увидеть в природе «райские черты», сохранившиеся в ней даже после грехопадения человека, «погубившего» окружающий мир. «Остаток Рая» не просто существует в природе, он взывает к нам, а еще глубже, первичнее – к Богу.

«Все хочет петь и славить Бога – // Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога, // И ветром зыблемая пыль.
Они зовут за словом слово, // И песню их из века в век
В иных созвучьях слышит снова // И повторяет человек.

Федор Сологуб

И человек откликается, выражая ответное изливание Природе:
«Благословляю вас, леса, // Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу // И голубые небеса!
И посох мой благословляю, // И эту бедную суму,
И степь от края и до края, // И солнца свет, и ночи тьму.
И одинокую тропинку, // По коей, нищий я иду,
И в поле каждую былинку, // И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я, // Всю душу вместе с вами слить;
О, если б мог в мои объятья // Я вас враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!»

А.К. Толстой.

Люди этого начала обладают исключительной волей и стремлением к Истине, Красоте и Подлинности (Совершенству). По словам митрополита Кирилла (Гундяева) эту волю «как неотъемлемую составляющую человеческой природы», «в античной философии, а также в классическом христианском богословии, называли «нусом». При этом древние считали «нус» наиболее важной частью человеческого естества, которая, как верили древние философы и отцы Церкви, выделяет человека из всего мироздания, ставит его на самую высшую ступень видимого мира».

(1. Церковь и время, №4(33), 2005, С.6)

Первая словесность имеет дело с поэтическими струнами сущности человека. Струны или чувства возвышенного, лирического, драматического, эпического и иронического соединяют нас с идеальным миром. Они резонируют с всемирными струнами величия, печали, восторга, умиления и т.д.

«Летят журавли величаво. // Их плачи мы ловим сердцами.

Вселенские струны печали // Они задевают крылами»

Всеволод Будрин

Весь мир связан поэтическими струнами идеального мира. Журавли задевают одни струны, соловьи другие, петухи третьи и т.д. Хотя конечно не только поэтическими. Есть и разумные струны (субстанции), соединяющие нас с абсолютным, единым, становящимся в мире; есть эстетические струны, соединяющие нас с красотой в разных видах искусства.

1.2. Художественное слово через образ несет людям особое очарование. «Как хороши, как свежи были розы в моем саду» (Мятлев, Тургенев, Северянин). Это очарование поэтическая душа видит во всём.

«В очарование русского пейзажа // Есть подлинная радость, но она
Открыта не для каждого и даже // Не каждому художнику видна».

Н. Заболоцкий.

Эта тайна очарования и есть *художественность* как таковая. Если её нет, то перед нами просто слова, а не поэзия. Хотя эти слова могут быть поэзией, но уже в другом звучании, и тогда перед нами мифологическая или гражданская поэзия. Обратимся к ним.

2. Мифологическая словесность

«Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой».

2.1. Мифы – это дневные сны. Таинственная стихия мифов властно влечет нас к себе; как сказал поэт, «нудит нас и просит». И никуда нам от этой стихии не уйти, не скрыться, не спрятаться. Бездна или стихия мифов неизменно требует своего. Перефразируя слова Тютчева, можно сказать: «и мы живем, пылающею бездной со всех сторон окружены». Другими словами, мы являемся существами «мифическими», а не только, как принято считать, разумными и личностными. И как существует потребность человека в разумной и личностной жизни, точно так же всем людям свойственна «потребность мифического», соответствующая самым сокровенным глубинам человеческого «я». Как во сне мы бессильны изменить события и сюжет сна, так и «объятые» мифами – мы подчиняемся им буквально во всем. Никакие доводы разума и требования воли не в состоянии освободить нас от магии мифа. И потому вопрос не в том, жить с мифами или без них, а в том, какими мифами жить – подлинными или мнимыми.

«Для мифического сознания всё явлено и чувственно ощутимо. Не только языческие мифы поражают свежей и постоянной телесностью и видимостью, осязаемостью. Таковы в полной мере и христианские мифы, несмотря на общепризнанную и несравненную духовность этой религии. И индийские, и египетские, и греческие, и христианские мифы отнюдь не содержат в себе никаких специально философских и философско-метафизических интуиций или учений, хотя на их основании возникали и могут возникать соответствующие философские конструкции. Возьмите самые исходные и центральные пункты христианской мифологии, и вы увидите, что они суть нечто чувственно явленное и физически осязаемое. Как бы духовно ни было христианское представление о Божестве, эта духовность относится к самому смыслу этого представления; но его непосредственное содержание, то, в чём дана и чем выражена эта духовность, – всегда конкретно, вплоть до чувственной образности. Достаточно упомянуть «причащение плоти и крови», чтобы убедиться, что наиболее «духовная» мифология всегда оперирует чувственными образами, невозможна без них». (А.Ф. Лосев «Диалектика мифа»). «Всякий миф есть символ, но не всякий символ есть миф».

(2. А.Ф. Лосев «Проблема символа и реалистическое искусство», М., 1978, С.174)

И потому для *мифологической* словесности главным является Символ. Здесь наблюдается живая связь с архетипами своего племени и особое чувство магического (сакрального). «Миф всегда магичен и мистериален» (2, С.85). В Священном Писании это, прежде всего, притчи. Почти вся народная словесность здесь. В высокой литературе это все творчество Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, М.А. Булгакова, Ю.П. Кузнецова. Сюда следует отнести «Приглашение на казнь» Владимира Набокова, «До третьих петухов» Василия Шукшина, «Медный всадник» Александра Пушкина, «Незнакомку» Блока. Ю.П. Кузнецов в эссе «Воззрение» пишет: «В 1967 году у меня, наконец, прорезалось мифическое сознание в «чистом виде»... К этому времени я прочитал три тома А.И. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и уверился в себе. И, сам того не сознавая, послал вызов богу искусств Аполлону, написал стихотворение «Поэт».

«Спор держу ли в родимом краю, // С верной женщиной жизнь вспоминаю
Или думаю думу свою – // Слышу свист, а откуда – не знаю.
Соловей ли разбойник свистит, // Щель меж звезд иль продрогший бродяга?
На столе у меня шелестит, // Поднимается дыбом бумага
Одинокий в столетье родном, // Я зову в собеседники время.
Свист свистит все сильней за окном – // Вот уж буря ломает деревья.
И с тех пор я не помню себя: // Это он, это дух с небосклона!
Ночью вытащил я изо лба // Золотую стрелу Аполлона».

Аполлон не стал сдирать с меня кожу, как с Марсия, но удостоил меня ответом: послал смертоносную стрелу. От одного свиста его стрелы поднялась буря и ломала деревья. Удар был сокрушительным, но я устоял.

«Ночью вытащил я изо лба // Золотую стрелу Аполлона».

Очень важно, что я устоял. Человек с обыденным сознанием усмехнется и скажет: «Какая чепуха! Это всё произошло на бумаге». Не на бумаге, а внутри поэта. И выразилось в слове. Нельзя же читать стихи как газету».

(З. Юрий Кузнецов. Стихотворения. М., 2011, С.422)

Словесность второго начала (типа) открывает нам ту реальность, что жизнь символична, и учит нас во всём и даже в природе видеть символическое действо.

«Пока человек естества не пытал // Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал // Ловил её знаменья с верой;
Покуда природу любил он, она // Любовью ему отвечала,
О нем дружелюбной заботы полна, // Язык для него обретала.
Почуя беду над его головой, // Вран каркал ему в опасенье,
И замысла, в пору смирясь пред судьбой, // Воздерживал он дерзновенье.
На путь ему выбежав из лесу волк, // Крутясь и подьемля щетину,
Победу пророчил, и смело свой полк // Бросал он на вражью дружину.
Чета голубиная, вея над ним, // Блаженство любви прорицала.

В пустыне безлюдной он был не одним, // Нечуждая жизнь в ней дышала.
Но, чувство презрев, он доверил уму; // Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему, // И нет на земле прорицаний».

(Е. Баратынский)

2.2. Поскольку художественная литература выражает природу (сущность) человека, а она у всех народов, племен, рас одна, то она «легко» переводится и волнует многих людей во всем мире. Отсюда слава русской литературы, благодаря творчеству Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, прежде всего. А вот мифологическая словесность почти не переводима, непонятен Н.В. Гоголь, М. Булгаков. Вторая словесность имеет дело с магическими (сакральными) струнами покаяния, жертвенности, жизни и смерти, прежде всего. А они выражены у разных племен не одинаково. (Белый и черный цвет воспринимается русскими и японцами противоположно. Печаль у русских черная, у японцев белая).

Мифологическая литература часто описывает *тип* человека (сакрально-мифологический). Г.В. Свиридов писал: «Не разоблачать, как не разоблачал Солженицын в «Иване Денисовиче» и «Матрениным дворе», а дать *тип*, который служит живым укором. Тип прекрасный, идеальный и живой. *Сама жизнь и в то же время выше жизни*».

(4. Георгий Свиридов. «Музыка как судьба. М., 2017, С.83)

Это проступающие *лики* людей. Типы Гоголя – «ниже жизни», это личины героев. В ликах проступают архетипы родного племени, возвышающиеся в вере, нисходящие в неверии.

Вспомним, что такое архетип? Это слово состоит из двух греческих слов *arche* – начало и *typos* – образ. То есть архетип – это изначальный тип племени. Архетипы разных племен отличаются друг от друга. И могут быть даже непримиримыми по отношению друг к другу. Вспомним у Н.С. Лескова: «Что русскому хорошо (здорово), то немцу смерть». (Разность архетипов людей, оказавшихся в США, опровергла теорию «плавильного котла»).

Отсюда неудача идеи «плавильного котла» в США. Нельзя искусственно создать нацию, тем более из племен с чуждыми (разными) архетипами.

Попытки создать европейскую нацию также обречены на провал. Романские, германские и славянские племена имеют разные архетипы, а может быть в чем то, даже и чуждые друг к другу.

3. Персоналистическая словесность

3.1. В *персоналистической* словесности говорит Время (время) или точнее Вечность. В третьей литературе через людей говорит Бог, Родина, Нация, современники. Отсюда пророческий след в этой литературе.

«Настанет год,
России страшный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,

И пища многих будет смерть и кровь...»

(М.Ю. Лермонтов)

(и это за 87 лет до Революций 1917 года).

И.А. Ильин писал: «Великие русские поэты – и Державин, и Жуковский, и Пушкин, и Лермонтов, и Баратынский, и Языков, и Веневитинов, и Тютчев –выговаривали, что *художник имеет пророческое призвание*; не потому, что он» предсказывает будущее (хотя и это возможно), и не потому, что он «обличает порочность людей», а потому, что *через него прорекает себя созданная Богом сущность мира и человека*. Он ей и предстоит, как *живой тайне Божией*; ей он и служит, становясь её «живым органом» (Тютчев)... Её вздох есть его вдохновение; её сокровенная глубина есть его художественный Предмет; её пению о самой себе он и призван внимать, кто бы он не был: музыкант, поэт, живописец, скульптор или архитектор».

(5. Иван Ильин. Собр.соч. в 10 т.т., т.6.М., 1996, С.55)

Варлам Шаламов пишет: «В «Двенадцати» время говорило с Блоком, и он слышал его. Во всем остальном Блок говорил о времени, и оно слушало его, изредка более внимательно, изредка менее. «Скифы», поэма, не уступающая по своим достоинствам «Двенадцати», была голосом человека ко времени, а не голосом времени к нему. Мне кажется, что то, что Блок не писал стихов целых четыре года, а написал за это время ряд статей принципиальных, говорит о том, что Блок все ждал голоса Бога, такого же, который поднял его с кровати в 1918 году»

(6. Варлам Шаламов. ВСЁ или НИЧЕГО. СПб., 2016, С.439)

Пришло новое Время, пришли новые люди, «железные» в своей основе.

(7. Дверницкий Б.Г. Железный век России, СПб, 2016)

И в авангарде 12 ниспровергателей существующих порядков Блок увидел Иисуса Христа, но не в «рабском виде», а в «белом венчике из роз».

«Так идут державным шагом, // Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом, // И за вьюгой невидим,
И от пули невредим, // Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной, // В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос».

Долготерпенье русского народа, о котором писал Ф.И. Тютчев, кончилось.

(«Эти бедные селенья, // Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья, // Край ты русского народа!
Удрученный ношей крестной, //Всю тебя земля родная,
В рабском виде Царь Небесный // исходил, благословляя»).

И были тщетными попытки остановить Время, вернуться «назад».

И кончился, в частности, «литературный подход к жизни», о котором писал И.А. Бунин и который сейчас пытаются возродить некоторые деятели культуры. Бунин писал: «Вообще, *литературный подход* к жизни просто отравил нас. Что, например, сделали мы с той громадной и разнообразнейшей жизнью, которой жила Россия последнее столетие?

Разбили, разделили её на десятилетия – двадцатые, тридцатые, сороковые, шестидесятые годы – и каждое десятилетие определили его *литературным* героем: Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров... Это ли не курам на смех, особенно ежели вспомнить, что героям этим было одному «осмнадцать» лет, другому девятнадцать, третьему, самому старшему двадцать!»

(8. Иван Бунин. Окаянные дни. СПб., 2000, С.172-173)

3.2 Нередко своя судьба открывается поэту: «Я умру в крещенские морозы...». И Н.М. Рубцов погиб в крещенские дни 1971 года.

Ранее М.Ю. Лермонтов также предсказал свою кончину на Кавказе в «долине Дагестана».

Для персоналистов-словесников чрезвычайно важна внутренняя независимость. Их всех отличает особая приверженность к свободе как таковой и обостренное чувство совести. В третьей словесности задействованы идеальные струны привязанности, соработничества, верности, героизма и совестливости личностного начала человека.

Пророки не только возвещали будущее, они говорили правду о настоящем, весьма нелицеприятную для многих. Отсюда и их судьба. Сам Иисус Христос свидетельствовал, что «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Мф. 13:57). Отсюда, нередко, трагическая судьба и непонимание со стороны соотечественников писателей персоналистов. (А.И. Солженицын, В.П. Астафьев).

Правда современности остается в вечности, как и всё то, что сотворил человек, исполняя свое предназначение. Надо видеть и находить это вечное в настоящем. Жажда этого, потребность в этом заложена в каждом человеке. Без этого лютое одиночество «наваливается» на человека, и он метется по жизни по жизни, ища чистого и вечного, не соглашаясь с тем, что говорят ему лукавые люди, «что вечного нету – что чистого нету». Как об этом написал Ю.П.Кузнецов:

«Завижу ли облако в небе высоком, // Примечу ли дерево в поле широком –

Одно уплывает, одно засыхает...// А ветер гудит и тоску нагоняет

Что вечного нету – что чистого нету.// Пошел я скитаться по белому свету.

Но русскому сердцу везде одиноко...// И поле широко, и небо высоко».

«Бог знает, как шел я по жизни // Дальше некуда, дальше везде,

По святой и железной отчизне // По живой и по мертвой воде».

Замечу, Ю.П. Кузнецов нашел (обрел) вечное и чистое в жизни, и служил ему до конца своих дней.

3.3. Конечно, вечное говорит (прорывается, существует) во всякой великой поэзии, будь она художественная или мифологическая. В самом метафизическом стихотворении Н.М. Рубцова «Старая дорога» читаем:

«Как царь любил богатые чертоги,

Так полюбил я древние дороги,

И голубые *вечности* глаза!».

Тот, кто увидел голубые глаза России, *навечно* Ёй свой, как приобщившийся русского духа.

«Здесь каждый славен – мёртвый и живой!

И оттого, в любви своей не каюсь,

Душа, как лист, звенит переключаясь

Со всей звенящей солнечной листвой,

Переключаясь с теми, кто прошел,

Переключаясь с теми, кто проходит...

Здесь русский дух в веках произошёл

И ничего на ней не происходит.

Но этот дух пройдет через века!

И пусть травой покроется дорога,

И пусть над ней, печальные немного,

Плывут, плывут, как мысли облака».

3.4. Для третьей литературы важнейшим является реальная жизнь человека, отраженная также в письмах и воспоминаниях (Иван Шмелев «Солнце мертвых», Иван Бунин «Окаянные дни», «Другие берега» В.В. Набокова), либо в документах и дневниках. (Дневники А.А. Ухтомского, М. Пришвина, А. Блока, Ф. Шаляпина, Г.В. Свиридова, Ольги Бергольц, Тани Савичевой).

Варлам Шаламов: «Бальзак – истинный отец романа, умершего на наших глазах, говорил: «Вальтер Скот давал отчет о событиях, я предлагаю описание событий». Для нынешнего времени описаний мало. Новая проза – само событие, бой, а не его описание. То есть – документ, прямое участие автора в событиях жизни. Проза, пережитая как документ. Эффект присутствия, подлинность, только в документе». (6, С.226).

Правдивость отличает всех этих литераторов. За это её не любят «власть предрержащие». Ссылка М.Ю.Лермонтова на Кавказ в действующую армию за стихотворение «На смерть поэта». Его прочли и переписали 10 тысяч человек (столько было отобрано переписанных списков), а весь тираж «Современника» Пушкина составлял 2 тысячи экземпляров. Еще раньше, в 1795 году Державин за переложение 81 псалма был передан в распоряжение кнутабойцы Шешковского, заведующего «тайной экспедицией», учрежденной Екатериной II. Вспомним этот злободневный псалом:

«Восстал всевышний Бог да судит // Земных богов во сонме их;

Доколе, рек, доколь вам будет // Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы // На лица сильных не взирать,

Без помощи, без обороны / Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинных, // Несчастливым подать покров;

От сильных защищать бессильных, // Исторгнув бедных их оков.

Не внемлют! Видят – и не знают! // Покрыты мздою очеса;
Злодейством землю потрясают, // Неправда зыблет небеса.
Цари! Я мнил, вы боги властны, // Никто над вами не судья:
Но вы, как я подобно, страстны // И также смертны, как и я.
И вы подобно так падете, // Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете, // Как ваш последний раб умрет!
Воскресни, Боже! Боже правый! // И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых // И будь един царем земли!».

В правде всегда есть горечь. Но как без горечи нет полноты вкуса, так без правды нет полноты жизни. Поэтому её можно назвать *документально-пророческой* словесностью. Родоначальником её у нас можно считать «Житие» протопопа Аввакума. Продолжил эту тему Ф.М. Достоевский: «Записки из мертвого дома», «Дневник писателя». Здесь же «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицына. «Колымские рассказы» и другие сочинения Варлама Шаламова. Ближе к нашему времени это роман Виктора Астафьева «Прокляты и убиты», «Воспоминания о войне» Никулина.

(Один совет Шаламова крайне актуален для нашего времени, впрочем, для любого. Совет не придавать ни малейшего элемента благородства «племени воров в законе»).

В дневниках и воспоминаниях нередко неожиданно для самого автора вырисовывается его назначение (предназначение) и судьба – как две силы, определившие его жизнь. Об этом писали русские философы XIX века. «Назначение и судьба спорят между собой о существовании всякого существа» (П.Е. Астафьев). Отсюда следующие строки Ф.И. Тютчева:

«Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!...
Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!».

(Заметим, судьба без предназначения вовсе не судьба, а бесцельное прозябание, назначение без судьбы – бесплодная мечтательность).

Так мы «проносимся» по жизни. Хорошо еще если к старости или поздней зрелости осознаем, что судьба, так или иначе, способствовала реализации нашего «назначения» (предназначения). Интересно, что даже такой не мистический писатель как В.В. Набоков всю жизнь ощущал некую тайну в своей судьбе и пытался её разгадать. Вот характерные строки из его книги «Другие берега»: «Предлагаемая читателю автобиография обнимает период почти в сорок лет – с первых годов века по май 1940 года. Её цель – описать прошлое с предельной точностью и отыскать в нём полновзвучные очертания, а именно:

развитие и повторение тайных тем в явной судьбе. Я попытался дать Мнемозине не только волю, но и закон». Увидеть узор судьбы, он же закон судьбы можно, лишь подняв его на свет искусства.

«И душу из земного праха / поднимешь, как письмо на свет,

Ища в ней водяного знака / сквозь тени суетные лет.

И просияет то, что сонно / в себе я чую и таю,

Знак нестираемый, исконный, / узор, придуманный в раю» («Смерть»).

Заметим, предназначением Набокова было стать пропагандистом русской словесности за рубежом, то есть русского мира, и он его исполнил. А в перечисленных выше дневниках и воспоминаниях – мы можем увидеть «узор» исторических событий, свершавшихся (а не просто происходивших) в России, «узор», свободный от идеологических установок и не всегда признаваемый авторами, но тем более ценный для нас, когда мало кто заботится о нас, и надо самим выбирать свой путь и пытаться понять свое предназначение и свои «узоры судьбы».

3.5. К документально-пророческой словесности относятся, на духовном уровне, – «Жития святых». На идеальном (душевном) уровне – это книги из серии «Жизнь замечательных людей». Серия была достаточно популярна в СССР и осталась такой и в РФ. Конечно, это книги существенно разного уровня. Спектр подходов от секулярного, даже атеистического, до православного. Тут особенно выделяются книги Н.М. Коняева о русских святых: свирских, карельских, о блаженной Ксении Петербургской («Ангел над городом»), которые проникнуты православным духом. В них поистине «дух – доминанта души».

А вот так называемая литература «факта» сюда не относится, а принадлежит по большей части, к художественной словесности. («Кроткая» Ф.М. Достоевского).

3.6. Завершая этот раздел, отметим следующее. *Слова личностные* (пророческие) через правду несут людям особое блаженство касания Царства Небесного. Нам сказано: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5:6). То есть все призваны жаждать правды! Все!

А тех, кто несет эту правду людям, ждет особое блаженство. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:10).

4. Полнота словесности

4.1. У великих писателей обычно, хотя и не у всех, задействованы все три начала словесности, но в существенно разной степени. Ю.П. Кузнецов пишет: «В небе Пушкина царит Аполлон с музами. И пушкинское сознание мифологично. Вот одни из лучших его образцов, если не лучшие: «Я помню чудное мгновенье», «Пророк», «Когда не требует поэта», «Воспоминание», «Не пой, красавица, при мне», «Утопленник», «Анчар», «Поэт и толпа», «Жил на свете рыцарь бедный», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Монастырь на Казбеке», «Бесы», «Заклинание», «Стихи, сочиненные во время бессонницы», «Что в имени тебе моем?», «Эхо», «Гусар», «Не дай мне Бог сойти с ума», «Туча». Мифический элемент проявился и в других жанрах. Он пронизывает маленькую трагедию «Пир во время чумы». Черный человек из «Моцарта и Сальери» – это миф, как и скачущий Медный всадник из одноименной поэмы. В обыденное пространство «Пиковой дамы» дважды вторгался миф в образе мёртвой старухи. В первый раз она явилась игроку

Герману и назвала ему три выигранные карты: тройку, семёрку, туза, второй раз она превратилась в пиковую даму в его руке – вместо туза. Старуха усмехнулась – и Герман сошел с ума. Это усмехнулся миф». Не в меньшей степени он отдал дань утверждению свободы, то есть персоналистической словесности.

«Не дорого ценю я громкие права,//
От коих не одна кружится голова.//
Я не ропщу о том, что отказали боги//
Мне в сладкой участи оспаривать налоги//
Или мешать царям друг с другом воевать;//
И мало горя мне, свободно ли печать//
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура./
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.//
Иные, лучшие, мне дороги права;//
Иная, лучшая, потребна мне свобода://
Зависеть от царя, зависеть от народа -//
Не все ли нам равно? Бог с ними. Никому/
Отчета не давать, себе лишь самому/
Служить и угождать; для власти, для ливреи//
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;/
По прихоти своей скитаться здесь и там,/ /
Дивясь божественным природы красотам,/ /
И пред созданьями искусств и вдохновенья/
Трепеща радостно в восторгах умиленья./
Вот счастье! Вот права».

Глава II. О литературном творчестве А.И. Солженицына.

1.1. Творчество А.И. Солженицына в основном принадлежит третьей литературе. («Архипелаг ГУЛАГ», «Бодался теленок с дубом»). Через него до нас дошли голоса тысяч людей, второй по численности «народности» России, «единственного на земле могучего племени ээков, которые только и могли *охотно* съесть тритона, вмерзшего в лед несколько десятков тысячелетий назад». Племена, даже имеющих свою территорию. Вот как об этом написано у Солженицына: «Архипелаг этот черезполосицей иссек и испестрил другую, включающую страну, он врзался в её города, навис над её улицами – и всё же иные совсем не догадывались, очень многие слышали что-то смутно, только побывавшие знали всё».

(7. Александр Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ». С.-Пб., 2017, С.7)

«Архипелаг ГУЛАГ» стал главнейшим документом эпохи. Как нельзя выбросить из жизни страны какой-то период, так нельзя не знать о жизни десятков миллионов людей, прошедших ГУЛАГ. (20 миллионов человек за период 1920-1956). Не забудем – это тоже

мы. Кстати, это и они создавали величие и крепость России: возводили города, рыли каналы, добывали руду и уголь, участвовали в «стройках коммунизма», причем, в самых суровых условиях и самых отдаленных местах проживания людей в СССР. Эту горькую правду «народа заключенных» должен был кто-то открыть народам России. И это сделал А.И. Солженицын. Эстафету правды жизни должны продолжать мы. В этом завет великого писателя для нас.

Заметим, во всех странах есть и были свои заключенные, есть и были свои «проклятые и убитые», но кто решился повторить подвиг (пример) А.И. Солженицына, В.П. Астафьева. Что-то не видно! И здесь русская литература являет пример всему миру, воздвигнув памятник всем замученным и убитым в ГУЛАГ е и всем проклятым и убитым в Великую Отечественную войну.

1.2. Конечно, Александр Исаевич не всегда был на высоте своего служения. Особенно снижает его подвиг – учительство, вспомним хотя бы его письмо к вождям. Но это искусство русских писателей, с которым не справились, ни Н.В. Гоголь, ни Л.Н. Толстой. Простим им. Напомню, что писал Г.В. Свиридов: «Писателя развращает привычка (публично, перед огромной аудиторией) судить обо всем на свете. Неважно даже, Толстого или Мариэтту Шагинян, всех развращает. Рядом с ценными, выстраданными мыслями, ряд безответственных (заранее измышленных) рассуждений.

Я уже не говорю о лжи (у Толстого ложные мысли – неумышленные, а лишь заблуждения, интересные, как и всё у Толстого, следствие его желания судить именно обо всем, в том числе и о том, что ему не дано).

(9. Георгий Свиридов. Музыка как судьба. М., 2017, С. 447). (Подобное у В.П. Астафьева о блокаде Ленинграда)

А вот что пишет об искусительстве писателей быть учителями жизни Владимир Личутин: «Писатели народ странный, ну прямо дети; жить с ними трудно, ибо в каждую щель лезут со своею указкою, но и без них нельзя. Свою внутреннюю язву «дражнят» в упоении и невольной этой чесоткой заражают многих. Знать, для какой-то цели Бог наслал их на землю вместе с грехами, слабостями, шалостями и весьма сомнительными достоинствами, которые, однако, перевешивают все их недостатки. Вот вроде бы и не сеют они, и не пахнут, балуются со словами и буквами, бессмысленно истрачивая драгоценную жизнь, но эта хитрая игра с Богом и дьяволом, исполнена такого непонятого вещего смысла и такого притягательного, обавного чувства, что за литераторами, как слепые за поводырями, мы охотно тащимся, словно зачумленные или опоенные «мухомором», и в этом наваждении порою готовы свалиться в яму».

(10. Владимир Личутин., «Сон золотой», М., 2015, С.5)

А вот как об учительстве словесника писал Варлам Шаламов: «Искусство лишено права на проповедь. Никто никого учить не может, не имеет права учить. Искусство не улучшает людей. Искусство – способ жить, но не способ познания жизни... Мы верим в стихи не только как в облагораживающее начало, не только как приобщение к чему-то лучшему, высокому, но и как в силу, которая дает нам волю для сопротивления злу»

(6. Варлам Шаламов «Всё или Ничего». С, -Пб., 2015. С.1098, 514)

Но лучше всех сказал А.Ф.Лосев. На вопрос: что дает культура, в частности, музыка человеку? Он ответил так: «Она дает силы для борьбы. Настоящее искусство всегда есть великий жизненный фактор, и с такими произведениями высшего искусства, как «Снегурочка» Римского-Корсакова становится легче жить и свободней дышать. Пусть моя несчастная душа опять погрузится в бездонное море страдания и слез, неслышанных вздохов и одиноких бессонных ночей. Пусть! Сегодня душа моя празднует свой светлый

праздник и радуется весеннему поцелую «Снегурочки». Разве мы что-нибудь знаем, для чего дано страдание и для чего радость. Не нам, не нам, но имени Твоему».

(10. Алексей Федорович Лосев. Из творческого наследия. Современники о мыслителе. М., 2007, С. 63)

Глава III. О литературоведении

1. Словесность представлена не только поэтами, писателями, драматургами. Литературные критики и литературоведы являют её немалую часть. И они тоже принадлежат к трем разным типам словесности. И потому не надо принимать всерьез их критику сочинений, принадлежащих другим направлениям в литературе. Вспомним книгу В.В. Розанова о творчестве Н.В. Гоголя. В ней он утверждал и доказывал с несравненной убедительностью, что Гоголь «убил» Пушкина, ибо после него Пушкина перестали читать. Односторонность критиков всегда должна браться нами в расчет. И это продолжилось в эмиграции. Георгий Адамович писал: «почему у Собакевича или у Ноздрева, освященных лучами в тысячи, в десятки тысяч свечей, все-таки нет крови в жилах, как у ничтожнейшего из толстовских персонажей, еле-еле, вскользь намеченных... Впечатление, оставляемое Набоковым, приблизительно такое же, и пример Гоголя доказывает, что эта природная сухость может сочетаться даже с истинной гениальностью. Люди, о которых рассказывает Набоков, очерчены в высшей степени метко, но – как у Гоголя – им чего-то недостает, чего-то неуловимого и важнейшего: последнего дуновения или, может быть, проще – души... В набоковской прозе звук напоминает свист ветра, будто несущего в себе и с собой «легкость в мыслях необыкновенную»

(16. Георгий Адамович Одиночество и свобода. СПб. 1993, С. 115)

Здесь своя правда, но понимания подлинности творчества Гоголя и Набокова нет.

Редким исключением является Аполлон Григорьев – основатель «органической критики» и «почвенничества», вместе с братьями Достоевскими и Н.Н. Страховым, в русской культуре. Его взгляды на писателей и на литературу в целом не устарели до сего времени. Удивительный факт.

Большинство литературных критиков принадлежат к *художественному типу* словесности. Особенно это относится к писательской критике своих братьев по перу, но существуют и редкие исключения. (Ю.П. Кузнецов).

2. Существует и философская, и даже религиозная литературная критика, крайне неудачная у Владимира Соловьева и весьма интересная у И.А. Ильина. («Основы художества», «О тьме и просвещении»). В своем анализе художества И.А.Ильин исходил из глубокого внутреннего убеждения о наличии трех обязательных планов в творчестве любого поэта и писателя, прямо в соответствии со словами прп. Никиты Стифата. «Три состояния жизни признает разум, – плотское, душевное (идеальное) и духовное. Каждое из них имеет собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподобный» (11. Добротолюбие т.5. М., 1900, С. 111.) Архиепископ Кентерберийский Майкл Рамсей сказал об этом так: «в каждом человеке есть пространство, которое может заполнить только Бог, пространство, которое не может наполнить никто кроме Него».

Степень проявленности этих планов, а также различная иерархическая соподчиненность в творчестве художника определяет, по Ильину, глубину и масштабность, и в целом – значительность, писателя для литературы. Опираясь на этот объективный критерий, он рассматривает творчество современных ему писателей (Бунина, Ремизова, Шмелева, Мережковского и других) и определяет их место в русской литературе. Этим Ильин по существу закладывает основы объективной литературной критики, ибо впервые

обнаруживается, формулируется и показывается действенность и значение каждого из трех планов художественного творчества. Что это за планы. Каждое литературное произведение имеет, во-первых, словесный состав (эстетическую материю); во-вторых, образный состав со своими специфическими законами; в-третьих, духовно-предметный состав или тот главный помысел, который заставляет поэта творить и искать для него верных образов и точных слов. Этому помыслу – Предмету – соответствует некое объективное состояние – в Боге, в человеке или в природе. Эти объективные состояния суть не «отвлеченные» понятия и не лирические и трагические настроения поэта, а реальность; живые, классические способы жизни – мировые состояния, доступные каждому человеку. Поэт должен приобщиться им, подлинно войти в них, чтобы запеть и заговорить из них и о них. Без этого он не состоится. Чем духовно значительнее предмет и чем художественнее его образная и словесная риза, тем более велик художник, тем глубже его искусство, тем выше его место в национальном и мировом пантеоне. Все это дает возможность «читать» поэта сразу во всех трех планах, читать его слово, видеть его образы и созерцать его несказанный и все-таки воображенный и высказанный Предмет. В своей книге «Основы художества» третий план Ильин называл творческим созерцанием, а первый и второй талантом. «Для того чтобы творить художественное искусство, недостаточно «таланта», как недостаточно и ума. Необходимо творческое созерцание... Великое возникает только из сочетания этих двух сил. И вот, творческая судьба каждого человека не только в искусстве, определяется тем, сочетаются ли в нем эти две силы и в какой соразмерности... Мало вообразить произвольные комбинации здоровых до уродливости тел и быстро, ярко зарисовать их в их реалистических оттенках (Рубенс); эти тела должны служить символическим (не аллегорическим!) знаком узренного художником сверх-телесного или за-телесного обстоятельства... Мало видеть обилие сытых лиц, богатых одежд, земную явь земных явлений и выписывать их на огромных полотнах с монументальной пышностью (Веронезе). Надо еще спросить себя – *зачем* они здесь, *что* через них светится, *что* из них сияет».

Духовно-предметный состав творения может вести нас к свету, добру, благу, а может к тьме и злу, то есть в рай или в ад.

Он и определяет святость или греховность творений художника. К красоте или уродству зовет искусство, ибо Красота (красота) есть Божественное Исхождение по свт. Григорию Паламе. К проявлению в нас образа Второго Адама, к нашему совершенству или к карикатуре человека или даже сатанизму, в словесности. Это и должна оценивать литературная и эстетическая критика, прежде всего.

Мы должны помнить, что после грехопадения человека в нём открылись греховные планы бытия, бесовский и демонический, которые постоянно соблазняют человека. Об этих импульсах зла, исходящих из адской бездны писал А.К. Толстой.

«Бывают дни злой дух меня тревожит
И шепчет на ухо неясные слова,
И к небу вознестись душа моя не может,
И отягченная склоняется глава.
И он, не ведая ни радости, ни веры,
В меня вдыхает злость – к кому не знаю сам –
И лживым зеркалом могучие размеры
лукаво придает ничтожным мелочам
В кругу моих друзей со мной сидит он рядом,

Веселость им у нас надолго отнята
И сердце он мое напивает ядом
И речи горькие влагает мне в уста
И всё, что есть во мне порочного и злого
Клубится и растет, всё гуще и мрачней
И застилает тьмой сиянью дня родного
И неба синеву, и золото полей
В пустыню грустную и в ночь преобразуя
Всё то, что я люблю, чем верю и живу я»

И потому не этическому суду подлежит художник, а художественному или эстетическому. Митрополит Антоний Сурожский пишет: «Для меня красота – это имя Божие, и здесь я соглашусь с моим другом, который однажды, много лет назад, сказал: «Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нём не добродетели и достижения, которых может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить» Поэтому в моем понимании, предельный смысл вещей можно определить как красоту – или, как уродство».

(12. Сурожский Антоний (митрополит) Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности. М., Никея, 2017, С. 23-24)

Что есть предельный смысл вещей? Это логосы вещей и всего существующего, в том числе и человека. Логос человека – это образ и подобие Божие в человеке. И человек призван раскрыть этот логос, т.е. найти структурное подобие человеку Пресвятой Троице, определить антропологические законы и сформулировать символ веры человека. Это задача философии. Задача словесности – увидеть в человеке образ Второго Адама. Задача искусства – свидетельствовать о Красоте Рая, передавать дыхание Рая на земле, отражать (выявлять) красоту творения Божия, в том числе и человека.

3. Все рассмотренное нами относится к идеальному уровню жизни человека. Как известно человек существует в трех состояниях: духовном, идеальном и плотском. «Три состояния жизни признает разум, – пишет св. Никита Стифат, – плотское, душевное (идеальное) и духовное. Каждое из них имеет собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподобный»

(11. Добротолубие т.5, М., 1900, С. 111)

Это не части человека (тело и душа), а именно состояния. Так вода имеет три состояния, пар, жидкость, лед, везде оставаясь водою. Духовный уровень словесности являют в сущностном начале – псалмы, в жизненном – притчи, в личностном – пророчества. Заметим, псалмы, притчи, извлечения из пророческих книг постоянно звучат в богослужениях РПЦ.

А что являют плотский или внешний уровень литературы, и кто её представляет? В сущностном начале у нас это Лев Толстой и Иван Бунин.

Ильин пишет: «Художникам не дано обходиться совсем без внешнего или без внутреннего опыта. Но им дана возможность – творить *преимущественно* из внешнего или *преимущественно* из внутреннего опыта и владеть *обоими* этими источниками, временами сочетая их в своем акте. Так, акт Л.Н. Толстого живет преимущественно внешним опытом; акт Достоевского – преимущественно внутренним опытом; гений Пушкина – владел обоими источниками, и притом не только совместно, но и порознь. Понятно, что внешне-опытному, чувственному акту доступно многое такое, что недоступно акту

внутреннему; и обратно, художник внутреннего опыта призван воспринять и раскрыть такие стороны мира и человека, которые не дадутся мастеру внешнего созерцания».

(13. И.А. Ильин. Одинокий художник. М., 1993, С.31)

Русская Революция

(метафизические заметки).

Февраль 1917 года возвестил «жизнь как хаос». Митр. Антоний Сурожский пишет: «Жизнь как хаос, как таинственная реальность полная возможностей, несущей в себе потенциал возможностей, которые еще не проявились и которые, когда проявятся, могут напугать нас, если мы не готовы вырасти в их меру». И мы напуганы ими, вплоть до настоящего времени. Но пришла пора придти в себя и осознать высший исторический смысл событий 1917 года. Ф.Ницше сказал: «нужно носить в себе хаос, чтобы родить танцующую звезду». Но это относится не только к людям, но и народам, странам, империям, цивилизациям.

Какую «танцующую звезду» родил Февраль и Октябрь и родил ли вообще? Что созревало в России и требовало хаоса? Созревала полнота национальной идеи, руководившей в России в течение её истории, начиная с Крещения Руси. А как мы знаем: «Только имена и идеи действуют в жизни. Ничто другое не действует» (А.Ф. Лосев).

Были ли в России условия воплощения следующей стадии национальной идеи. Ведь в Российской Империи даже в условиях войны не было хаоса, а был порядок. Но, то внешне, а вот в душах людей царил хаос, хаос как недовольство существующим порядком вещей. В первую очередь у крестьян, составляющих большинство населения страны и армии, у народившейся буржуазии, купечества, рабочих, образованной части общества, даже у Церкви, лишенной Патриарха в течение двух веков. Не было согласия даже среди правящей династии Романовых.

Обычно люди, как пишет Митр. Антоний, «пытаются сделать их хаоса порядок, точно также как мы приводим в порядок нашу комнату, и, поступая так, убиваем всякую возможность хаосу проявить «танцующую звезду». А Бог относится к хаосу по-другому. Бог вызывает из хаоса все, что созрело и готово расцвести, или то, что могло бы расцвести в жизнь, могло бы измениться, чтобы достичь полноты»

(Митрополит Антоний Сурожский. Красота и уродство. М., 2017, С.77, 78, 79)

Что созревало в России? Свобода и Справедливость! Они должны были завершить полноту национальной идеи России. И Февраль возвестил начало этой реализации. Потому и был принят с воодушевлением практически всем обществом, включая Церковь, что нес в себе этот высший смысл. Хаос, который пришел с ним, ужасные реальные события заслонили этот смысл, идею полноты национальной идеи России.

Сейчас пришло время, прошло 100 лет, и мы можем осознать этот смысл.

и с этих позиций должны подходить к оценке революций 1917 года.

О национальной идее

Россия совершенно самостоятельное самобытное и независимое во всех отношениях Образование. Это Русская Земля, Святая Русь, Киевская Русь, Московское Царство, «Москва – Третий Рим», Российская империя, СССР (Советская Россия), Российская Федерация, Русская Цивилизация.

Всё это, так или иначе, выражало и выражает национальную идею России.

Национальная идея России не статична, она развивается, точнее, раскрывается в истории Народа. Первая русская национальная идея – православие, идеал Святая Русь; вторая – государственность, идеал «Москва Третий Рим, а четвертому не бывать»; третья – имперская идея служения Великой России. Они остаются с нами и сейчас, но уже не могут, как прежде сплотить Народ (Нацию) воедино. Мы должны исповедывать православную веру, быть верными Государству, жертвенно служить Отечеству. Но этого мало. Сейчас эти идеи уже не могут, как прежде воодушевить нас. Нужна четвертая заключительная национальная идея. Её открыл XX век. Свобода и Справедливость, но именно вместе. Это есть завершение полноты национальной идеи России. С этих позиций и надо оценивать Революции 1917 года.

В каждом человеке заключен революционер (радикал, новатор, творец) и консерватор, точнее хранитель вечных ценностей, смыслов и целей жизни. Поэтому, каждый гражданин России должен понять, что из прочитанного выше, он осознает существующим в себе, и что он должен хранить в своей душе и сердце всю жизнь. Перечислю, православие, государственность, имперскость. И значит, он должен исповедывать идеал Святой Руси; осознавать свое Государство и Православную Русскую Церковь Третьим Римом; служить Великой России. Революционер или творец в нашей душе, личности, сердце должен утверждать *свободу* и *справедливость* и подавлять в себе и кругом так называемую толерантность, то есть терпимость к грехам, страстям, порокам и не считать их нормой современной жизни. И, второе, он не должен считать собственность, прибыль, комфортность и т.п., главными ценностями и стимулами своей жизни, и жизни Народа (Нации), страны, общества. «Только имена и идеи действуют в жизни, ничто другое не действует» - утверждал А.Ф.Лосев. И в XXI веке будет действительна идея свободы и справедливости. Такова Русская идея XXI века. Но чтобы эта идея утвердилась в России сам процесс утверждения этой идеи должен носить национальный характер, то есть свобода по-русски, справедливость по-русски. Русскость свободы и справедливости третий постулат Русской идеи. Итак, ***Свобода, Справедливость, Народность (Национализм) – Русская идея XXI века.***

Революции не проходят, то есть не уходят в прошлое. Православие борется в душах и сердцах людей с язычеством и неверием (атеизмом). Анархии и сепаратизму противостоит государственное чувство русских людей. Имперский идеал служения Великой России подменяют угождением обществу потребления. Свободу и справедливость заменяют толерантностью и казенным социализмом (диким капитализмом). Враги нашего Отечества стремятся порвать исторические нити нашей Судьбы: золотую (православность), серебряную (государственность), медную (имперскость), железную (свободу и справедливость). Но тщетны их усилия. *Пред очами Господа путь человека и Народа и Он измеряет все стези их.*

Б.Г. Дверницкий

Силы России

Распад Российской и Советской (Красной) Империй в минувшее столетие потрясли наш Народ. Он пережил революции 1917 года, Гражданскую войну и интервенцию, НЭП, индустриализацию, коллективизацию, «ежовщину», пятилетки ускоренного развития и две «пятилетки безбожия», массовые гонения на верующих и крестовый поход папизма против СССР в 1929 году, гитлеровское нашествие Европы и победу в Великой Отечественной Войне, «холодную войну», «перестройку» Горбачева и демократизацию. И сейчас наш Народ снова вынужден собирать свои силы и противостоять политическому, информационному и экономическому давлению Запада.

Что даёт нам силы отражать происки врагов России?

1. 1917 год – это не только год Революций, но это и *чудо* явления Державной иконы Божией Матери со знаками царской власти. В Подмосковье, в селе Коломенском русскому православному народу явил себя образ Божией Матери. Это событие как раз совпало с отречением от престола Императора Николая II. Одной крестьянке, Евдокии, жившей близ этого села, стали видеться сны о белой церкви и слышаться требования тайного голоса найти икону и сделать её красной. После долгих поисков образ Пречистой найден был в одном из подвалов Вознесенской церкви. Когда его очистили от многолетней пыли и копоти, всем представилось изображение Богородицы как Царицы Небесной в красных нарядах величественно восседающей на троне царском, с короной на голове и золотым нимбом, а в руках держава и скипетр. На коленях Она держала Сына Божия Иисуса. Весть о явлении нового образа Богородицы в день отречения от престола Государя расценивалась как знак, что Царица Небесная взяла управление России в Свои руки и стала её Заступницей. В день обретения образа в Коломенском вышел из земли целебный источник. С тех пор было написано много списков с иконы, много верующих прибыло в село, и было явлено множество чудесных исцелений тела и души перед Её Ликом.

Явление иконы показало всем русским людям, что священный характер власти в России незыблем и после отречения помазанника Божия. Своим явлением Матерь Божия объявила, что Она остаётся Заступницей нашей державы, нашего народа и впредь, что бы здесь ни было. Этим явлением Матерь Божия возвестила, что здесь будет не какая-то другая страна, пусть и переименованная, не осколки бывшей империи, не чья-то колония, но будет продолжаться именно православно-державная русская история.

2. Второе знаменательное событие 1917 года – избрание на Патриаршество святого Патриарха Тихона. Избрание Патриарха, восстановление Патриаршества 18 ноября 1917 года имело колоссальное значение для России. Святейший Патриарх Тихон выстроил церковно-государственные отношения в новых условиях: «...несть бо власти аще не от Бога, сущая же власти от Бога учинены суть». Провидя, что это будет долго и что нужно сохранить Церковь (хотя, как написал Патриарх Тихон, «пусть погибнет имя мое в истории, лишь бы Церкви была польза»), он выстроил эти отношения – Церковь официально существовала в СССР. Люди могли прийти в храм поисповедоваться, причаститься, и это те таинства, о которых старец Симеон сказал, что самое главное в Церкви, что были сохранены Крещение, Исповедь и Причащение. У нас есть печальный пример – старообрядчество. Вот они отделились, затем происходит исчезновение священства, появляется беспоповство, и во что это выродилось? Стала какая-то секта. Можно предположить, что такая же участь ждала бы и Катакомбную Церковь: наступил бы момент, когда священство бы прервалось, и что бы мы имели? И вот избрание Патриарха в 1917-м году, конечно же, имело огромное значение для сохранения Русской Православной Церкви и России.

3. Страстотерпец Николай Второй молится за Россию у Престола Божия, и мы чувствуем действенность этих молитв. Государь был помазан Святым Духом на царство и этим получил благодатную сакральную силу не только царствовать, но и ходатайствовать за народ свой. Николай Второй не покинул Россию во время братоубийственной гражданской войны, грозящей уничтожить страну и её народ. Его страстотерпническая смерть не просто повторила подвиг Бориса и Глеба. Смерть помазанника за свой народ приобрела особый сакральный смысл и может быть по праву приравнена к искупительному действию за своих поданных. Государь и на небесах ходатайствовал и ходатайствует за Святую Русь, как и весь сонм святых в земле Российской просиявших. Об этом свидетельствует и видение митрополита Макария, описанное у Нилуса. Вскоре после февральской революции 1917 года митрополит Макарий, незаконно удаленный с Московской кафедры Временным правительством, муж поистине «яко един от древних», видел ... «чудное сонное видение, которое и поныне вразумляет всех, ищущих

вразумления свыше. Видел я, – передавал он одному моему другу, – поле. По тропинке идет Спаситель. Я за Ним и все твержу: "Господи, иду за Тобой!" А Он, оборачиваясь ко мне, все отвечает: "Иди за Мной!" Наконец подошли мы к громадной арке, разукрашенной цветами. На пороге арки Спаситель обернулся ко мне и вновь сказал: "Иди за Мной!" И вошел в чудный сад, а я остался на пороге и проснулся. Заснувши вскоре, я вижу себя стоящим в той же арке, а за нею со Спасителем стоит Государь Николай Александрович. Спаситель говорит Государю: "Видишь в Моих руках две чаши: вот эта горькая для Твоего народа, а другая, сладкая, для Тебя". Государь падает на колени и долго молит Господа дать Ему выпить горькую чашу вместо Его народа. Господь долго не соглашался, а Государь все неотступно молил. Тогда Спаситель вынул из горькой чаши большой раскаленный уголь и положил его Государю на ладонь. Государь начал перекладывать уголь с ладони на ладонь и в то же время телом стал просветляться, пока не стал весь пресветлый, как светлый дух. На этом я опять проснулся. Заснув вторично, я вижу громадное поле, покрытое цветами. Стоит среди поля Государь, окруженный множеством народа, и Своими руками раздает ему манну. Незримый голос в это время говорит: "Государь взял вину русского народа на Себя, и русский народ прощен!"».

4. Четвертой силой, сохранившей Россию, были «железные» люди России, пришедшие вместе с Революциями 1917 года на историческую сцену. Они изгнали интервентов, восстановили экономику, создали индустрию XX века, продолжили великую русскую культуру, отразили нашествие гитлеровской Европы, создали ядерный и ракетный щиты страны, первыми построили атомную станцию и ледокол, первыми оказались в космосе, и сейчас сохраняют Россию во время экономической, информационной и террористической войны Запада и экстремистского ислама.

(Подробнее о «железном веке» России в моей книге «Железный век России. СПб., 2016)

Чтобы успешно продолжать свое существование в мире мы должны мобилизовать все свои силы и продолжить исторический путь России, определяемый Божиим Промыслом, но теперь уже в форме самодержавной Республики и с «железными» людьми, сохраняющими в своём сердце идеалы Святой Руси и Великой России. И да будет так!